

Тридцать шесть на zero

К показу на канале РТВ телефильма Р. В. Фасбиндера «Берлин, Александерплац» (ФРГ, 1979) *Сегодня. — 1995. — 6 сент. — с. 10*

Илья Лепихов

З

а Фасбиндером прочно укоренилась слава если не реформатора, то, по крайней мере, своеобразного мастера, тяготеющего к авангарду. Мне трудно понять причины, которым обязано своим появлением на свет подобное суждение, да это теперь и не важно. Куда любопытнее другое: почему фильмы именно этого немецкого режиссера — столь желанные гости на отечественном телеэкране? Фамилия ни одного из его западных коллег так часто не высвечивается в титрах наших каналов, как это происходит с немецкой, продолжительной и сочной, как копченая колбаска, фамилией германского постановщика.

Фасбиндер (1946—1982) действительно много трудился. Работа и наркотики, по-видимому, и составляли смысл его жизни, так что ореол своеобразного одурманенного праведника, мученика за искусство, незримо витает вокруг его основательных, сбитых плотно и незатейливо, как какой-нибудь декоративный скворечник, картин. «Берлин, Александерплац» не составляет исключения из общего ряда, будучи лентой столь же аляповатой, шумной и внутренне вялой, как и большинство его остальных сочинений. Поэтому мне не кажется верным обнаруживать конкретные черты, выделяющие картину из общего ряда, но, напротив, следует постараться привести, поелику возможно, все работы к единому знаменателю.

Немецкое послевоенное кино все же было значительно более разнообразным явлением, нежели это может показаться при изучении картины только его самого именитого представителя. Клоге, Херцог, Шлендорф, чуть позже Вендерс — все они снимали время от времени по-настоящему хорошее кино. Фасбиндер, на мой

взгляд, ничем подобным похвастаться не может. Наиболее близка к образцу приличной ленты «Лили Марлен», но, положив руку на сердце, и там едва ли наберется больше двух добротных поставленных сцен. Подавляющее большинство его остальных творений кинематографом назвать просто-напросто невозможно, поскольку это скорее одушевленная социология, имеющая целью не катарсис, как всякое нормальное произведение искусства, а какой-то своеобразный оптический, бинокулярный восторг от игры одушевленных теней. По ним, как нигде и никогда более, ощущаешь внутренние пружины, приводившие в движение левацкую,

РОКУЭЛЛ КЕНТ

розовую систему ценностей, сегодня претворившую себя в различные движения за равноправие и гринписовский экстремизм. Судорожное стремление опрокинуть мир на себя, навязать ему свой закон, выпрэнно-идеальный до ночного кошмара, правильно-благородный до животного омерзения — вот что отличает его адептов от прочих, не посвященных во все хитросплетения выхолащенного, жутковатого гуманизма. Презрение к действительности, проистекающее от нежелания понять ее, неизбеж-

но приводит людей такого сорта к ее совершенному отрицанию и безоглядному желанию расчистить для себя, дорогого, хоть какой-нибудь участок жизни. Отсюда гетерофобия, мужененавистничество и выступления в поддержку цветных. Полагаю, что и какие-нибудь киты и прочие зверушки берутся ими под защиту потому только, что в них подозревается особенное, кожно-сексуальное меньшинство, не могущее реализовать себя среди грубых и неотесанных человеческих особей. Фасбиндер из таких. Его педерастия, его пристрастие к зелью суть в конечном итоге претензия на метафизическую полноту, но эта претензия особенного рода: метафизика эмпирии, полнота посюстороннего бытия, которое достижимо только при помощи бессознательного погружения, а отнюдь не разумного проникновения в него. Кинематографический опыт лишь был одним из путей к тому. Постановочная сырость и назидательная социологичность суть две стороны одного и того же стремления — полубессознательного творчества во имя торжества разума и прогресса, скальпирования индивидуального микрокосма ради грядущего его многообразия, предельного усилия во имя опьяняющей расслабленности. Это или капитуляция перед жизнью, или своеобразный подступ к подлинному искусству — все зависит от того, что придет раньше: душевная смерть или отчаяние. Фасбиндер, как и большая часть западных интеллектуалов его поколения, так и не решился сделать выбор, застывши на полпути между модельным домом на окраине Гамбурга и скупкой недвижимости на Бермудах. Кинематографистом, судя по всему, он так и не стал, но прежней движительной социологией, составившей ему славу, пресытился вполне. Он долго примерялся к тому, в какую рулетку следует сыграть с жизнью: китайскую, немецкую, привычную монашескую.

Русская рулетка сама выбрала его.